

ОТ РЕДАКЦИИ

В нынешнем году истекло 25 лет со дня смерти Александра Онуфриевича КОВАЛЕВСКОГО (9/19 ноября 1901 г.) и 10 лет со дня смерти Ильи Ильича МЕЧНИКОВА (2/15 июля 1915 г.) — достаточный повод, чтобы в благодарной памяти воскресить образы двух великих ученых, которых всю жизнь соединяли узы самой тесной дружбы и общности научных интересов. Оба они работали в интереснейшей области изучения истории развития беспозвоночных животных и своими поистине классическими исследованиями положили начало новой самостоятельной дисциплине — сравнительной эмбриологии живых существ.

Посвящая выпуск „Природы“ памяти этих двух великих ученых, редакция дает в нем ряд статей, освещающих отдельные эпизоды их жизни. Статьи частью принадлежат перу их ближайших родственников, нося характер семейных воспоминаний, частью же написаны учениками и почитателями покойных ученых.

Александр Онуфриевич Ковалевский.

(Воспоминания дочери).

В. А. Ковалевская-Чистович.

„Кто знал его, забыть не может“.

Прошло уже двадцать пять лет со смерти Александра Онуфриевича Ковалевского. Его крупная роль в развитии естествознания была в свое время отмечена в ряде биографий и речей его друзей и сотрудников, в том числе Ильей Ильичем Мечниковым¹⁾, с которым его связывала 36-летняя неразрывная дружба.

Надеюсь, что настоящие воспоминания помогут полнее воссоздать его обаятельный образ и ознакомить с ним наше молодое поколение.

Мои первые воспоминания начинаются с Одессы, куда А. О. перешел из Киева в 1874 г., и перешел с радостью, так как в Киеве, где он пробыл с 1869 по 1874 г., жилось ему тяжело, а в Одессу привлекали бывшие уже там Сеченов и Мечников.

Я смутно помню жизнь в старом университете, в крошечной квартирке; нас было трое детей, мне было 5 лет, брату

Владимиру — 3 и сестре Лидии — 1 год. Однако жизнь в городе была не по душе А. О. и не соответствовала его здоровью. Вечно волнующийся, с постоянными мучительными головными болями, он с трудом переносил городскую сутолоку. Горячая любовь к природе, стремление жить к ней близко и забота о гигиенической

обстановке для детей, побудили его купить уже в 1876 году на окраине Одессы — Молдаванке — дом с большим садом. Тогда это было совершенно глухое предместье, с темной немощеной улицей, без водопровода. Зато сад был чудесный, с редкими для юга хвойными растениями, массой цветов и фруктов. А. О. с увлечением занимался разведением роз, фруктовых деревьев, винограда, спаржи, вечно возился с каталогами садоводств, и очень гордился подобранными им ранними сортами земляники

и винограда. Завел образцовый пчельник со стеклянным ульем и вообще все досуги проводил на воздухе, за садовой физической работой и нас всех приучил помогать ему в этих занятиях;

А. О. Ковалевский
(1868 г.).

¹⁾ Вестник Европы. 1902 г. Декабрь.

А. О. посвящал детям много времени; читал нам вслух; следил за учением, постоянно был в курсе педагогических течений. Мы много экскурсировали с ним, помогали в соби́рании нужного ему материала и были в курсе работ — конечно, по мере разумения.

Первые годы жизни в Одессе текли очень спокойно и привольно. Так как наш дом был далеко от центра, то пришлось завести лошадь, которая каждое утро в 8½ ч. отвозила А. О. в университет, а нас в учебные заведения, а к 3—4 часам снова все собирались к обеду; к 11-ти часам обычно весь дом спал, на улице ходил сторож и лаiali спущенные сердитые собаки.

В длинные зимние вечера мы любили собираться или в „маминой комнате“ или у камина в зале, где пекли каштаны, и тут мать моя, Татьяна Кирилловна, и А. О. часто рассказывали о разных событиях их жизни. Т. К. рассказывала о том, как дядя Владимир Онуфриевич¹⁾ уговаривал ее не выходить замуж, „т. к. А. О. непременно ее забудет при первом же интересном жуке“. Рассказывала о переселении в 1868 году в Казань, из Петербурга, куда они ехали на пароходе из Нижнего с грудным ребенком. Кто-то на пристани попросил А. О. доплатить за билет. А. О. не умел отказывать, а затем оказалось, что денег не осталось даже на обед, и Т. К. с благодарностью вспоминала какую-то добрую купчиху, которая всю дорогу угощала ее пирогами.

Одним из любимых рассказов было описание путешествия на Красное море в 1870 году, куда повезли и меня, когда мне не было еще и году. Из экономии ехали кажется на парусном судне из Италии в Александрию, выдержали ужасную качку, и чуть ли не худшую на верблюдах при переходе из Александрии в Эль-Тор (у подножья Синая). Там жили в палатке, питались только рисом и финиками, а меня нянчил туземец араб. Купали в большой раковине — tridacna. Назад вернулись через Иерусалим, Родос, Константинополь.

Про свое детство А. О. рассказывал мало. Отец его арендовал большое имение в Витебской губернии — Ворково, где родились и выросли А. О. и его брат Владимир Онуфриевич.

До 16 лет они воспитывались дома, а после смерти матери в 1854 году были

определены в закрытые учебные заведения в Петербурге, А. О. в Корпус Инженеров Путей Сообщения, а В. О. в Лицей. А. О. недолго оставался в Корпусе, в 1859 году он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета; однако студенческие волнения очень мешали правильным занятиям, и уже в 1860 году он уехал за границу в Гейдельбергский университет, где много и успешно работал.

Он всегда с удовольствием вспоминал патриархальную жизнь в Гейдельберге, где в 8 часов вечера городской сторож ходил по улице, стучал в освещенные окна и требовал, чтобы тушили огни и ложились спать.

В то время в Гейдельберге был большой кружок русских студентов, и почему-то у них возникла идея устроить колонию в Африке. Они поделили между собою специальности, и А. О. выпала химия. Этим объясняется, почему две первые работы А. О. были химические. Конечно, эта утопическая идея не осуществилась, и А. О. перешел на близкую ему зоологию и эмбриологию. В общем А. О. мало посвящал времени воспоминаниям, чаще наши вечерние беседы были полны планов о будущем, а не прошедшем, о собственном вагоне и далеких интересных путешествиях.

Первые годы жизни в Одессе у А. О. не было других обязательных занятий, кроме университета, и он мог спокойно работать. Дома у него была вполне оборудованная лаборатория, где все было в образцовом порядке. Он был очень аккуратен, не выносил неряшливости и разгильдяйства. Ничего показного, но во всем, в пище и одежде, требовался порядок. Рабочий стол его был „святая святых“, и только Т. К. могла его убирать; она всегда следила за тем, чтобы все нужное было под рукою и всячески оберегала его покой. Как сейчас вижу встревоженное лицо А. О., когда кто-нибудь посторонний подходил к его рабочему столу и брал в руки одну из склянок, особенно молодежь.

У нас, если мы случайно забывали дисциплину, он осторожно брал вещь из рук и ставил на место. Взять ее у постороннего он не решался, а только тревожно следил за действиями „неприятеля“, и уже на нашу долю выпадала обязанность сказать, что трогать ничего нельзя.

Все мы всегда были в курсе работ А. О. и волнений, с ними связанных. Страшно

¹⁾ Известный ученый — палеонтолог В. О. Ковалевский.